

ЧУДО-ДЕТЕКТИВ

A black and white illustration depicting a battle scene. In the foreground, several soldiers in dark uniforms with white sashes and hats are positioned around a large wooden wheel. In the background, a group of soldiers is engaged in combat, with smoke and fire rising from the scene. The overall atmosphere is dramatic and historical.

N

A detailed black and white illustration of a book, a key, and a pair of glasses, all set within an ornate, Art Nouveau-style frame. The book is open, with a key resting on its pages. A pair of round-rimmed glasses is placed over the book and key. The background features a bright sunburst effect behind the book. The entire composition is enclosed in a decorative border with intricate scrollwork and floral motifs.

ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА

КЛЮЧ
К СЕРДЦУ
ИМПЕРАТРИЦЫ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Разработка серийного оформления *А. Соловьева*

Редактор серии *Т. Масленникова*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Ключ к сердцу императрицы / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Чудо-детектив).

ISBN 978-5-04-100399-9

С Лидией Дуглас произошло настоящее чудо. Только что она была в своем новом тысячелетии и вот уже оказывается бог весть где — в обозе, который спешит из горящей Москвы в сентябре 1812-го.

Лидия обязательно займется притягательными чужими тайнами, вот только вначале нужно попасть в свое время, в свой XXI век, где ее ждут дела и, кажется, новая любовь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100399-9

В былые времена она меня любила...

Денис Давыдов

Глава 1

КЛИЕНТ С КЛЮЧОМ

улыбаясь, проговорил клиент.

Лидия вскинула брови:

— Отчего же вы так думали?

Она не сомневалась, что голос ее звучит не менее высокомерно, чем голос клиента. А то и более. Во всяком случае, она старалась, как могла.

— Ну, понимаете... — Клиент смерил ее взглядом и замялся, словно многоточие поставил. — Реклама ваша... Как-то это, знаете ли... — Он пожал плечами раз, а потом и другой.

Лидия тоже пожалала плечами и тоже дважды. Ей как-то приходилось слышать о нейролингвистическом программировании, и она запомнила, что среди его видов существует так называемое кинематическое. А может быть, кинетическое. А может быть, как-то иначе оно называлось, но точно на букву «К». Да не в букве дело, а в том, чтобы, в точности повторяя жесты и телодвижения собеседника, таким нехитрым кинетическим (или все же кинематическим?!) способом его к себе расположить, внушить ему полное доверие

и глубокую симпатию к своей персоне. Это для Лидии было очень, очень важно, ведь сей господин — по фамилии Рошин, по имени Алексей, по отчеству Васильевич — был ее первым клиентом. И Лидия загадала: если она с г-ном Рошиным А.В. отработает как надо, стало быть, и замысел ее удастся, и дело пойдет. По принципу «хорошее начало полдела откачало»!

Но, строго говоря, Лидия очень хорошо понимала смысл клиентских нерешительных многоточий и пожатий его плеч. Сдержанная, неброская реклама, которую наша героиня разместила везде, где только позволяли ее более чем скромные средства, была лаконична: «*КЛЮЧ К ТАЙНЕ*». *Составляю родословные, рисую генеалогическое древо семьи. Исследую историю вашего рода, семейные секреты ваших предков*». Однако, на взгляд человека понимающего, за этим немногословием скрывалась масса самой завлекательной информации.

В наше время, когда множество народу вдруг дуром разбогатело и сочло, что рабоче-крестьянское происхождение для них уже неактуально и даже, воля ваша, где-то не комильфо, спрос на внутрительные родословные очень резко повысился.

Генеалогический бизнес уже давно цвел просто-таки махровым цветом, в разнообразных оранжереях по выращиванию генеалогических древ трудились, аки пчелки, архивариусы всех мастей, порою не только с кандидатскими, но даже и профессорскими званиями. Однако в городе, где обитала Лидия, ниша сия еще не была заполнена.

И вот однажды, затосковав от корректорской поденщины в модном журнале «Я выбираю красивых людей!» (от их красоты уже челюсти сводило, будто от килограмма подпорченных лимо-

нов, съеденных без сахара), за которую платили удручающе мало, да еще и уверенности в завтрашнем дне не было никакой (многолюдный штат редакции был укомплектован исключительно «своими», за которыми стояли держатели акций и спонсоры, а Лидия была «чужая», за ней никто не стоял, да и не было у нее ничего, кроме репутации блистательного стилиста — это плюс — и занудной пуристки русского языка — это минус, — но кому в наше время, когда полностью всяких редакторских и корректорских программ, эта репутация вообще сдалась?!), она и придумала себе маленький побочный бизнес.

Строго говоря, клиент (г-н Рощин) был совершенно прав, назвав эту затею авантюрой. У нее не было никакого доступа в архивы, не говоря уже о спецхране. Она не имела ни малейшей возможности для проникновения в те самые чужие семейные тайны, исследование которых столь захватски пообещала своим гипотетическим клиентам.

Однако Лидия не только любила историю — она к тому же родилась на свет ужасной фантазеркой. Наверное, ей следовало бы сделаться писательницей, но вот беда: способности к сюжетосложению у нее были, мягко говоря, весьма средненькими. Она могла напридумывать массу захватывающих подробностей о жизни, манерах, страстях, поведении, одежде и быте людей, однако связать все это единым сюжетом, нанизать эти затейливо приготовленные кусочки на шампур, не побоимся этого слова, фабулы ей никак не удавалось. Познакомившись с ее попытками словотворчества и отметив восхитительную детализацию, издатели очень скоро начинали от пере-

избытка этих самых деталей зевать и, мысленно назвав автора занудой, писали ей «ответ с отказом» — когда любезным, когда не совсем. И в конце концов Лидия оставила мечты о том, чтобы сделаться русским вариантом Дафны Дюморье и Мэри Стюарт (это были ее любимые писательницы).

Однако, самонадеянно рассуждала наша героиня, когда обдумывала свой, выражаясь фигурально, новый бизнес, всякая родословная — это не что иное, как множество разрозненных сюжетных линий, слитых воедино мощным талантом самого гениального на свете автора — Судьбы. Лидия знала, что ей порою (а может быть, и частенько) придется напрягать фантазию, а проще говоря, привирать, однако никаких моральных препон выставлять себе не собиралась.

Она сделает все, что сможет, опираясь на максимум реальных, доступных сведений, которые предоставит клиент или которые ей удастся раздобыть. Но если дело дойдет до недоступных, придется-таки напрячь эту самую фантазию. Главное ведь, чтобы клиент получил удовольствие, читая историю своего рода. Главное, чтобы ему стало интересно. Чтобы ему было чем гордиться! И Лидия не сомневалась, что скелеты, которые воленсноленс прячутся в каждом шкафу, будут ее стараниями принаряжены в самые пышные одеяния!

А ее творческая, вернее сказать, генетическая лаборатория... Вход в нее будет закрыт для непосвященных. Всякое, в конце концов, ремесло имеет свои тайны, порою даже не слишком приглядные. Например, производство душистого мыла... На самом деле это ужас что такое! Менее благоуханное занятие просто трудно себе представить!

И вообще «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»...

Если уж стихи растут из сора и не ведают в том стыда, то родословным сам бог велел, считала Лидия.

— Кстати, ваша фамилия... — внезапно раздался рядом мужской голос, и Лидия рассеянно воззрилась на его обладателя.

Где же она его видела?..

Ох ты, господи, да это же ее клиент, ее первый клиент, явившийся в ее крохотный офис, который она контрабандно оборудовала в собственной корректорской, благо была ее единственной обитательницей, а в это крыло здания, которое снимала редакция «Я выбираю красивых людей!», практически никто не заглядывал (господа редакторы предпочитали вызывать скромную корректоршу в свои кабинеты). Лидия, задумавшись об истоках своего дела, начисто о г-не Рошине забыла, а он взял да и напомнил о себе. И правильно сделал!

— Моя фамилия? — осторожно переспросила Лидия. — А что с ней такое?

На самом деле она лукавила. Она отлично знала, «что такое» с ее фамилией...

— Да ничего особенного, — сдержанно усмехнулся г-н Рошин. — Но, честное слово, не каждый день встретишь человека с фамилией Дуглас. Ваши предки были иностранцы?

Лидия Дуглас вспомнила о нейролингвистическом программировании и тоже улыбнулась, и тоже сдержанно:

— Да.

И умолкла, несмотря на то что г-н Рошин явно ждал продолжения. Но штука в том, что Лидии

просто нечего было ему сказать. Поговорка о сапожнике без сапог в данном случае была весьма уместна! Об истории своей фамилии она ровным счетом ничего не знала, кроме того, что эта фамилия в свое время помешала ее деду поступить в университет, а ее прадеду она вообще стоила жизни. Собственно, это была фамилия ее отчима, Лидию удочерившего.

— Да, фамилия этакая... странноватая, — неодобрительно покачал головой г-н Рошин, так и не дождавшись рассказа о фамилии Дуглас, однако тут же расщедрился на снисходительную улыбку: — К счастью, ваша внешность внушает доверие.

Лидия в ответ тоже улыбнулась — довольно кисло, между нами говоря.

Нет, ну в самом деле, она совершенно не знала, как эти слова воспринимать. Наверное, как комплимент? В том смысле, что гладенько причесанная голова, закрученные в скромненький узелок русые волосы, круглые очки и демонстративное неприятие косметики, серая водолазка, серая же фланелевая юбка-макси и бареточки без каблучков, да еще со шнуровочкой, могли рекомендовать Лидию Дуглас с самой лучшей стороны? Г-н Рошин не мог знать, что подобный прикид (будем называть вещи своими именами!) являлся своеобразным протестом Лидии против упомянутой гламурности ее места работы. На эту самую гламурность у Лидии уже идиосинкразия выработалась; порой при виде глянцевого страниц с лупоглазыми «красивыми людьми», на которых пиджачки от разных там армани и прочих хьюго боссов сидели в точности как жокейские седла на буренках, у нее натуральные судороги начина-

лись, — вот она и спасалась таким нехитрым образом. И была просто счастлива, что этот ее унылый вид внушил г-ну Рошину необходимое доверие для того, чтобы наконец-то перейти к делу.

— Понимаете, Лидия Александровна, я тут кое-какие справки наводил и знаю, что бизнес этот, ну, составление родословных, — штука дорогая для заказчика, а для исполнителя — хорошо оплачиваемая. А я в настоящий момент, сказать по правде... — Г-н Рошин выразительно щелкнул пальцами, и Лидия словно расслышала в этом щелканье сакраментальные фразы: «Степен в средствах», «Поиздержался в дороге», et cetera, et cetera... — Понимаете, вот-вот в фирме ремонт закончили, да это бы еще ничего, но у жены (у второй жены, зачем-то уточнил он с затаенной улыбкой) был день рождения, я ей «Мазду» купил, ну а первая жена, — теперь Лидия поняла, зачем потребовалось уточнение! — узнала, разобиделась, начала сына против меня настраивать... Пришлось ей тоже срочно машину взять, «Фольксваген», а сына отправить на каникулы в Альпы, на горных лыжах покататься. Сами понимаете, расходы понес немалые. Конечно, поступления на счет идут, но у нас как раз сейчас налоговые отчисления, то да се... Ну, сами понимаете. Кроме того, я ваших способностей, качества вашей работы еще не знаю. Поэтому вот какое предложение: мы пока не станем говорить обо всей родословной, а побеседуем только об отдельном ее фрагменте. Очень небольшом фрагменте. Как вы на это смотрите?

Лидия смотрела на него во все свои серые и довольно большие глаза. Она на него, можно сказать, пялилась!

Рискуя несколько отклониться от хода нашего повествования, скажем, что г-н Рошин этого вполне заслуживал. На вид ему было лет тридцать пять, то есть немногим больше, чем самой Лидии, однако во всей его внешности была видна повадка много испытавшего и очень уверенного в себе человека. Он был не то чтобы красив — он был весьма мужествен. Имел приятные, хоть и неправильные черты, и если лицо его и приобрело несколько ожесточенное, даже агрессивное выражение, то что же делать, господа, если жизнь, как говорится, такой?! Зато г-н Рошин не разъелся, не обрюзг, не обзавелся вторым или даже третьим подбородком, не отрастил себе омерзительное пивное брюшко, у него не заплыли глаза и не пробились плешь. Он был неброско, дорого одет, он был богат и добросердечен (купить первой жене баснословную машину только ради того, чтобы не завидовала своей преемнице, — это вам не кот начихал!), словом, он был мужчина хоть куда, и Лидия, честно говоря, сожалела о том, что предстала перед ним в виде столь унылого синего (серого, если быть точным!) чулка.

А впрочем, предстань она перед ним в образе самой очаровательной из всех очаровашек, словно бы только что сошедших со страниц глянцевого журнала «Я выбираю красивых людей!», это вряд ли побудило бы г-на Рошина взглянуть на нее благосклонно: этаких-то он небось видел-перевидел, они небось так и спархивают к нему со всех сторон, словно птицы — к святому Франциску Ассизскому... Нет, Лидия, наоборот, должна изо всех сил похвалить себя за то, что оделась со всей мыслимой и немыслимой невзрачностью, а потому голубые глаза г-на Рошина, густо опу-

шенные очень длинными и черными ресницами (ирландские этакие глаза, очень опасные, надо заметить, для всякого женского сердца!), глядят на нее с доверием и уважением, а вовсе не с каким-то там малопристойным намеком.

Лидия с тяжким вздохом похвалила себя, отвела взор от глаз г-на Рощина и спросила:

— О каком фрагменте идет речь? Вы что-то конкретное имеете в виду?

— Видите ли... — Г-н Рощин поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее, однако это было невозможно, потому что это было невозможно в принципе, и он смирился. — Видите ли, Лидия Александровна, я хочу вам рассказать, с чего все началось. Я хоть и развелся с первой женой, но сына очень люблю. Мы с ним друзья. Я для него на все готов! Летом брал его с собой в Бургундию, это во Франции, — счел нужным пояснить он, и Лидия призадумалась было, обидеться на него за эту «сноску» или нет, но, поразмыслив, все же не стала мелочиться. — Мы гостили у моего бизнес-партнера, Виктора Марше, у которого я покупаю бургундские вина для своей сети магазинов, а у него дом неподалеку от Дижона, шато, можно сказать, весь увешанный портретами предков. Дочку его зовут Жюли, с ней мой сын очень подружился, и она ему о своих пращурах рассказывала. Соображая такая девка, четырнадцать лет, всего на два года моего Лехи старше, а шпарат как по писаному: этот был прево¹ Ди-

¹ Прево (prevot) — во Франции XI—XVIII веков королевский чиновник, обладавший в подведомственном ему административно-судебном округе (превотаже) судебной, фискальной и военной властью.

жона в тысяча пятьсот каком-то году, этого в конце XVIII века гильотинировали в Париже, этот побывал в России вместе с наполеоновскими войсками, чуть не сгинул в наших снегах, этот погиб при Марне, этот был в Сопротивлении, а этот и вовсе в Святую землю с крестоносцами ходил... Всех и не упомнишь, у них там портретов дам и кавалеров — ну что тебе в Третьяковке! И Леха говорит мне как-то раз: «Пап, Жюли рассказывала, что Марше этим именем всех старших дочерей называют в честь русской гадалки, которая спасла того лейтенанта наполеоновского, предсказав ему, что мост через Березину будет разрушен, и он ей сначала не верил, а потом в последний момент на лодке переправился, в стороне от моста, так и остался жив, и вот теперь весь их род ее как бы благодарит».

— Русская гадалка по имени Жюли? — скептически пробормотала Лидия. — Во времена наполеоновского нашествия? То есть ее звали или Юлия или, всего вернее, Ульяна?.. Французский офицер и русская гадалка... Боже мой, какой сюжет для дамского романа! Однако, извините, я вас перебила, — спохватилась она.

— Ну, значит, мой сын мне заявляет, — продолжил Рощин: — «Пап, ты говорил, что у нас в семье старших сыновей всегда Алексеями называют, а мы не знаем, почему и в честь кого. Почему мы вообще только про дедушку твоего знаем, который автозавод строил? А до него разве никого не было? Я хочу про всех своих предков знать, хочу, чтобы у меня тоже их портреты были!» Я как это услышал, у меня прямо сердце кровью облилось. Мне тоже всегда хотелось знать побольше о своих дедах и прадедах! Но теперь все

концы оборваны. Дедов ни у меня, ни у бывшей жены не осталось, и если ее родители хоть что-то смутно знают о своих предках, то у нас — почти полная тьма.

— Почти? — быстро глянула на него Лидия. — Значит, кое-что все же известно?

— Кое-что. Практически ничего. Помню, что в пору моего детства хранилась в книжном шкафу небольшая карманная Библия, на которой почти выцветшими чернилами было написано: *«Ирины Михайловны Роциной собственность. Тысяча восьмьсот четырнадцатый год. Господи, утоли моя печали!»* Очевидно, это была моя пра-пра... — Он махнул рукой. — Уж и не сочту, сколько этих «пра-пра» нужно поставить. Тысяча восьмьсот четырнадцатый год, шутка ли, почти двести лет прошло! Еще в Библии лежал обрывок листка бумаги — желтого, такого истончившегося, похожего на засушенный лепесток какого-то цветка. Наверное, это было письмо, но чернила где расплылись, где выцвели, я помню, там можно было только несколько слов разобрать: *«...в честь моего обожяемого покойного супруга... Сегодня два года, день в день, как свершилось самое страшное, самое печальное событие в моей жизни... могу назвать именно ее коварной убийцей Алексея...»*

Честно признаться, больше я ничего уже не помню. В то время меня это совершенно не интересовало! Потом квартиру нашу обворовали, я тогда еще маленький был, пропала и Библия, и этот обрывок. Может, выбросили книжку воры, может, букинистам продали — теперь концов не найдешь. Но имя это и дату я очень хорошо помню, и вот почему припомнить пришлось. В нашем художественном музее выставка сейчас идет —